

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

Культовая поэзия древней Японии (VI—VIII вв.)¹

Норито, или молитвословия, — древнейшие памятники японской литературы. Хотя они дошли до нас в позднейшей редакции, а именно в сборнике культовых постановлений эпохи Энги, законченном в начале X века, можно предполагать, что они уже были включены в предшествующие сборники таких постановлений, составленные в IX веке, и использованы целиком «Ритуалами Энги» («Энги сики»).

По своему языку *норито* ближе всего стоят к древнейшим императорским манифестам, из которых первый датирован концом VII века; можно предположить, что и первая редакция *норито* относится к тому же веку, хотя происхождение их, несомненно, восходит к еще более отдаленной эпохе, определяемой как эпоха родового строя с известным упрочением власти вождя союза родов — патриархального царя.

Молитвословия эти первоначально передавались в устной традиции среди членов жреческого рода Накатоми, являвшихся посредниками между богами и верхними слоями родового общества — родовыми старейшинами, а также среди членов рода Имибэ — первоначально, по-видимому, блюстителей всех церемоний и мистерий, впоследствии оттертых жрецами Накатоми на второй план и сделавшихся главным образом изготовителями ритуальной утвари, которую употребляли в различных мистериях. Эти две линии жрецов и были первоначально возносителями молитв во время тех или иных религиозных церемоний, имевших место при дворе племенного царя.

¹ Эти образцы культовой поэзии древней Японии были напечатаны в сборнике «Восток» (Литература Китая и Японии. Сборник первый. Academia, 1935). В архиве ученого сохранились варианты перевода, свидетельствующие о тщательной работе Н. А. Невского над стилем и строем переводов, в самом деле точно передающих торжественный и пышный строй текстов раннесредневекового ритуала.

Предисловие Н. А. Невского к переводам *норито* и сами переводы, по всей вероятности, не нуждаются в комментариях, тем более что три текста перевода снабжены примечаниями самого Н. А. Невского. Поэтому ограничимся лишь двумя уточнениями.

Обряд, именуемый Н. А. Невским «Праздник Бога Ветра», точнее было бы перевести как «Праздник богов ветра», так как из текста *норито*, а также данных «Энгисики» явствует, что праздник посвящен двум божествам — Амэ-но михасира-но микото («Бог — повелитель Столпа Неба») и Куни-но михасира-но микото («Бог — повелитель Столпа Земли»). Некоторые авторы отождествляют эти божества с двумя богами (Бог-отрок Солнца, Богиня-дева Солнца), почитаемыми во втором храме Тацута — Хикогами и Химэгами.

Переводя имя одного из богов в молитвословии Великого Очищения, Н. А. Невский называет его «бог, именуемый Издыхания места Хозяином, Ибукидону-си». Слово «издыхание» здесь, по всей вероятности, следует понимать в основном лексическом значении его корня, т. е. «выдох», «выдувание воздуха», к смерти это слово отношения не имеет.

Однако *норито* не являются молитвами в собственном смысле слова — они скорее могут быть названы заклинаниями, построенными на том принципе примитивной магии, по которому первобытный человек заключал, что подобное вызывает подобное. Этим и объясняется, почему наиболее древние *норито* обычно излагают просимое в виде словесного изображения последовательного ряда действий, долженствующих привести к результату, который и является конечной просьбой. Так, в молитвословии при церемонии моления об урожае на предстоящий год рисуется весь крестьянский земледельческий обиход — от вспашки полей до жатвы, далее — водные и сухопутные караваны с рисом и, наконец, заключительный пир с вином, сделанным из риса нового сбора. Многие *норито* в этой основной своей части излагают нечто вроде истории возникновения того или иного обряда (см. второй из помещаемых образцов), приводят мифы, могущие конкурировать с мифами древнейших японских анналов (см. первый из образцов), и рисуют яркими красками весь древнейший хозяйственный и политический уклад, верования и религиозные обряды. Конечно, в соответствии с основными задачами молений все это излагается в той последовательности, которая должна привести к достижению желательных результатов.

Обычно всякое *норито* заканчивается перечислением того, что давалось богам в благодарность за ожидаемое исполнение просьбы и поступало, конечно, в распоряжение жрецов.

Норито сопровождалась обычно магическими действиями и заклинаниями, которые до сих пор продолжают существовать в придворных религиозных церемониях: во время этих последних и теперь еще исполняются почти все древние молитвословия.

Норито записаны сплошь китайскими идеографическими знаками, так как слоговые азбуки тогда еще не были изобретены. Однако язык их чисто японский, с весьма незначительным количеством китаизмов. Исключение составляет только одно молитвословие, написанное на китайском языке.

По своему языку и стилю *норито* занимают среднее место между поэзией и прозой и скорее должны быть отнесены к первой, чем ко второй. Здесь мы видим массу риторических украшений, метафор, параллелизмов, повторов и других приемов, рассчитанных на то, чтобы усилить впечатление и придать молитвословиям возвышенный характер. Некоторые места *норито* звучат очень торжественно и даже ритмично.

Примером песен с теми же поэтическими приемами, тем же последовательным развитием содержания и теми же заклинательными целями могут в настоящее время служить некоторые ритуальные песни японских шаманок-знахарок в северо-восточных провинциях главного острова, моления рюкюских жриц и, наконец, многие народные песни мелких островов рюкюского архипелага. Мною были записаны, например на островах Мияко, некоторые песни по случаю пред-

стоящей жатвы проса, в которых мы имеем в более простой и примитивной форме повторение «Моления об урожае».

Все это заставляет искать истоки большинства *норито* в связанном с хозяйственным бытом ритуале и сопровождающем его фольклоре. Вследствие того, что письменность в VII веке была доступна лишь верхушке родового общества и даже лишь немногим среди нее, а первоначально — только одним жрецам, молитвословия ритуала, имевшего место при царском дворе и являвшегося лишь отголоском народного, были зафиксированы на бумаге, тогда как народные молитвословия зарегистрированы не были, сохранились лишь в устной традиции в отдельных местностях империи и сильно изменились, конечно, за длинный ряд веков.

Молитвословие в Праздник Успокоения огня¹

Когда повелением царственных предков, Камуроги и Камуроми², живущих как боги в равнине Высокого неба, Поднебесную так поручали: «Царственный Правнук³ страну Тучных колосьев⁴ Камышовой заросли славной, как страну покойной, да ведает мирно!» — тогда же вручили заклинания небесные, заклятия грузные, которыми я и реку.

Повелители-боги, Изанаги и Изанами⁵, два столпа, брат и сестра, сочетаться изволив,

земли — восемь десятков земель,
острова — восемьдесят островов⁶,

породили;

восемьсот тём богов⁷ породивши,
когда сыном наипоследним бога Духа Огня порожила, ложесна опалились: — в скале сокрываясь⁸:

¹ Мистерия, в старину имевшая место два раза в год (в шестом и двенадцатом месяцах по лунному календарю). Эта мистерия имела целью предохранить дворец от пожара. (Все последующие примечания к работе «Культовая поэзия древней Японии» составлены Н.А. Невским. — *Ред.*).

² «Бог-самец» и «бог-самка», мифические предки императоров.

³ Внук богини Солнца, Ниниги, который сошел с неба на землю и сделался родоначальником японских императоров; в дальнейшем данное выражение стало употребляться в значении императора вообще.

⁴ Древнее поэтическое название Японии.

⁵ Чета первых богов во плоти, породившая всю природу.

⁶ Число «восемь» — мистическое число древней Японии, имеет значение «много», «масса»; вероятно, пережиток времени, когда «восемь» было конечным числом счета.

⁷ Восемь в том же смысле, что и высшее (тём от тьма в древнем значении этого слова «масса»).

⁸ По-видимому, намек на уход жены на время родов в уединенное место (первоначально, вероятно, грот). Пережитки этого обычая до сих пор сохранились в некоторых японских деревнях: роженица удаляется в специальный дом на окраине деревни, куда мужчинам входить воспрещено.

«Ночей — семь ночей,
дней же — семь дней
на меня не взирай,
повелитель мой¹ милый!» —

так жена изрекла.

Еще не исполнились эти семь дней, сокрывание странным сочтя, когда муж взглянуть соизволил, Огонь породила она, опаливши себе ложесна.

Когда это случилось, —

«Хотя я говорила:

"Повелитель мой милый, на меня не взирай!" —

На меня ты взглянув, устыдить соизволил...» —

такие изрекши слова, —

«Повелитель мой милый да будет же править Верхней страной, а я Нижней страной буду ведать», —

так сказав, соизволила скрыться в скале²; но, добравшись до спуска во Тьму, так размышляла:

«В Верхней стране, которой правит повелитель мой милый, я рожденным оставила сына с сердцем дурным».

Так промолвив, вернулась и снова детей породила. Воду-Богиню, Тыкву-Горлянку, Тину речную, Деву-Глиногору — четырех родов существа породила.

«Лишь сын этот с сердцем дурным забуйствует сердцем, Воду-Богиню, Тыкву-Горлянку, Деву-Глиногору³, Тину речную возьмите и успокойте его!» —

так поучая, открыть соизволила.

И вот посему, когда мы возносим хвалы, чтоб при дворе Потомка Царей сердцем он не ярился, в дар —

светлые ткани, блестящие ткани,

мягкие ткани, грубые ткани —

пятицветные вещи представив,

в равнине синего моря живущее —

с плавниками широкими,

с плавниками узкими,

вплоть до растений из водных глубин

и листьев растений прибрежных,

и вино —

горла кувшинов поднявши ввысь,

брюха кувшинов наполнив в ряд,

вплоть до мягкого риса

и грубого риса,

словно горы косые, взгромоздив [преподносим,]

¹ Прощание умирающей жены с мужем.

² Древнейшим японским похоронным обычаем было замуровывание трупа в скале.

³ Четыре предмета, употребляемые при тушении пожара, вода, ведро (тыква-горлянка до сих пор употребляется в качестве кувшинов и ведер), тина и глина.

заклинанием небесным, заклятием грузным,
мы возносим хвалу, —
так говорю я.

Молитвословие в Праздник Бога Ветра, что в Тацута¹

Перед Царственным Богом, которому в Тацута возносят хвалы, говорю я.

Начиная с хлебов зерновых пяти видов, что Потомок Царей Повелитель², который в Сикисима³ ведал страню Великих восьми островов⁴,

как трапезу извечную,
бесконечную трапезу,

с красной глины румянцем вкушал, — и все, что возделывал люд Поднебесной, вплоть до листочков травы не рождалось,

и не год, и не два,

а гибло года за годами.

Посему доложить поручили ведунов сотне, что это, мол, сердце такого-то бога, раз в гаданьях изыдет оно.

Об этом хотя ведуны посредством гаданий гадали, но доложили, что нет, сердце бога не вышло.

Изволивши это услышать, Потомок Царей Повелитель изрек: «Всех ведь богов небесных, так и духов земных, никого не забывши, без упущений, хвалой величают, — так Мы полагаем, — и все ж бог какой-то не дает уродиться и губит все то, что в трудах производит люд Поднебесной. О бог, да откроешь Ты Нам, что это, мол, сердце мое!» —

так заклясть соизволил.

И вот во сне августейшему Потомку Царей Повелителю было открыто:

«Те, кто, сочетая злой ветер с бурной водою, не дают уродиться и губят все то, что в трудах производит люд Поднебесной, это суть Мы, чьи имена — Столб небес Повелитель, Столб страны Повелительница⁵».

Имена так открывши священные, —

«Если в жертву пред Нас поднесут одеянье — светлые ткани,

¹ Церемония, преследовавшая цель избавиться от непогоды во время созревания злаков. Тацута — название местности в провинции Ямато (недалеко от города Нара). Праздник первоначально совершался два раза в год — в четвертом и седьмом месяцах по лунному календарю (ныне совершается один раз — 13 сентября).

² Древний титул японского императора; в данном контексте имеется в виду император Судзин (97 — 30 гг. до н. э.).

³ Название одной из древних столиц Японии.

⁴ Одно из древних названий Японии.

⁵ Имена божества ветра (от вихря до смерча).

блестящие ткани,
мягкие ткани,
грубые ткани —
пятицветные вещи, щит, копье и коня, а к нему
приложив и седло, —
всевозможные вещи представят,
а палаты для Нас
там, куда обращает лучи солнце рассвета,
там, где угасает в лучах солнце заката,
на лужайке Татину¹ в Тацута, —
палаты для Нас если там утвердят и перед Нами хвалы возне-
сут, — то все, что в трудах производит люд Поднебесной,
начиная с хлебов зерновых пяти видов вплоть до листоч-
ков травы, уродим в изобилии». — Так было открыто.

Посему в месте том, которое Царственный Бог, наставляя,
открыл, сваи палат утвердили и, чтобы хвалою почтить Цар-
ственных этих Богов, Потомок Царей Повелитель, принося
обильную жертву, великих князей с вельможами сделав свои-
ми послами, возносит хвалы, что пред Царственным Богом
изречь Он изволит.

«Начальники священнодейств со жрецами, внимайте се-
му!» — говорю вам.

Подносится жертва обильная:
Богу-мужу на одеянье —
светлые ткани,
блестящие ткани,
мягкие ткани,
грубые ткани —
пятицветные вещи, щит, копье, конь, а к нему
приложив и седло, —
всевозможные жертвы подносятся.
Богине-жене, доставляя одежду, —
золотой кузовок для кудели, золотая же прялка, мотовило
златое, —
светлые ткани,
блестящие ткани,
мягкие ткани,
грубые ткани —
пятицветные вещи, конь, а к нему приложив и седло, —
всевозможные вещи подносятся.
Вино —
горла кувшинов
поднявши ввысь,

¹ Современное местечко Татино в волости Мисато уезда Икома.

брюха кувшинов
 наполнив в ряд,
     в мягком рисе,
     в грубом рисе;
 в горах обитающее —
     с волосом мягким,
     с волосом грубым;
 в равнине великого луга растущее —
     овощи сладкие,
     овощи горькие;
 в равнине синего моря живущее —
     с плавниками широкими,
     с плавниками узкими,
     вплоть до листьев растений из водных глубин
     и листьев растений прибрежных, —
 словно горы косые, взгромоздив, преподносим.
 Если эту обильную жертву,
     как жертву мира,
     жертву довольства,
 Царственный Бог с сердцем покойным вкусить соизволит, и
 если все то, что в трудах производит люд Поднебесной, не
 сочетая злой ветер с бурной водою, Царственный Бог уродит
 в изобилии, — то колосы первые —
     горла кувшинов
     поднявши ввысь,
     брюха кувшинов
     наполнив в ряд, —
 как соком, так и верхушками, восьмисотенным рисом, ты-
 сячным рисом, разложив перед Ним, поднесем мы в празд-
 ник осенний.
 На этом князи великие, вельможи близкие, люди сотни
 управ и Ямато-страны шести вотчин посадники, вплоть до
 жен и мужей, в месяц удзуки¹ года сего (а в седьмом месяце
 говорят: «в месяц фумидзуки² года сего»), купно собравшись,
 пред Царственным Богом бьют низко челом, корморанам³
 подобно, — и в сей день при славном в гору подъеме рас-
 светного солнца возносят хвалы.
 Обильную жертву Потомка Царей Повелителя, начальни-
 ки священнодейств со жрецами, примите и неукоснительно
 преподнесите! «Такому повелению-приказу внимайте вы
 все!» — говорю вам.

¹ Древнее название четвертого месяца лунного календаря.

² Древнее название седьмого месяца.

³ Птица, употребляющаяся в Японии для ловли некоторых видов рыб.

Молитвословие Великого Очищения¹

Сошедшиеся сюда царевичи, князи великие, вельможи близкие и люди сотни управ, все, говорю вам, внимайте.

При дворе властелина служащей дружине, что носит ширинки, дружине, что носит наручные лямки, дружине с колчанами сзади, дружине с мечами у пояса, — с дружин, восьми десятков дружин, начиная, — люду служилому дум и управ прегрешения всякие, свершенные неволей иль волей, в Великое очищение года сего, в день последний минадзуки² месяца, отпускаются и очищаются, чему все, говорю вам, внимайте!

Повелением царственных предков, Камуроги и Камуроми, живущих как боги в равнине Высокого неба, восемьсот тём богов собрали божественным сбором и, продумав божественной думой, —

«Наш Царственный Правнук, страну Тучных колосьев Камышовой заросли славной, как страну покойной, мирно ведать изволь!» —

так поручили.

Внутри так порученной страны непокорно-буйных богов, допросивши допросом божественным, изгнали изгоном богов, и даже говорившие скалы, пни дерев и травы-былинки заставили смолкнуть и поручили

с небесного трона-скалы удалиться,
восьмислойные тучи небес,
раздвинув могучим раздвигом,
с неба спуститься.

Как сердце страны четырех направлений, так порученной, Ямато Великую, страну, на которую с высей любитесь солнце, утвердили страну покоя.

На скалах-корнях преисподних
сваи палат водрузивши, восставивши грузно,
в равнину Высокого неба,
коньковые крылья вознесши высоко,
создали Потомку Царей хоромы могучие. В них хоронясь,
как под тенью, даруемой небом,
как под тенью, даруемой солнцем,
будет мирно он ведать, как страну покойной, страну, где,
рождаясь, изыдет люд небесный в избытке, что будет неволей
иль волей впадать в прегрешения всякие.

¹ Церемония всенародного отпущения грехов, совершавшаяся два раза в год, в последние дни шестого и двенадцатого месяцев по лунному календарю. В настоящее время подобная церемония имеет место не только во дворце, но и во всех синтоистских храмах. Обычно за несколько дней до церемонии священнослужители разносят по домам изображения человеческих фигур, вырезанные из бумаги. В каждую семью эти фигурки за небольшую мзду берут по числу членов семьи и, вытерев ими свое тело, возвращают в храм. В день очищения читается древнее *норито* и все фигурки сжигаются, или выбрасываются в бурную реку.

² Древнее название шестого лунного месяца.

Прегрешения Небесные¹ суть:

разрушение межей на полях,
завал канав орошения,
разрушение запруд,
повторный засев,
втыкание вех в поле чужое²,
живодерство,
сдирание шкур от хвоста к голове,
гаженье калом

и множество прочих грехов называют особо Грехами Небесными.

Прегрешения Земные³:

сечение кожи живой,
мертвой кожи сечение,
[прокаженные] белые люди,
наросты на теле,
с матерью собственной грех любодейства,
грех любодейства с собственной дочерью,
с матерью грех любодейства и с дочерью,
грех любодейства с дочерью и матерью,
грех любодейства с скотами,
несчастья от гадов ползучих,
несчастья от вышних богов,
от пернатых из высей несчастья,
мор скота,
грех чародейства

и множество прочих прегрешений изыдет.

Когда так изыдут, действием Небесных Палат жрец, великий посредник, небесными гибкими сучьями⁴,

отрезав основы,
отрубивши верхушки,
тысячу заполнит столов искупленья;
небесной осоки волокна,
отсекши основы,
срезав верхушки,
возьмет и расщеплет на восемь игл.

— Читайте ж заклинание небесное¹, заклятие грузное! —

¹ По-видимому, наиболее серьезные грехи, нарушающие правильное течение земледельческой и охотничьей жизни, установленной обычным правом. Перечисление тех же грехов встречается в мифах, относящихся к богу Сусаноо, который совершил их на небе.

² Вероятно, посягательство на чужую земельную собственность. У некоторых народов Формозы втыкание ветки в землю является знаком, что данная земля занята; вытаскивание этой ветки и замена ее своей влечет за собой бойкот нарушителю со стороны всего общества.

³ Здесь мы можем наблюдать еще не точное отграничение понятия «грех» от понятия «скверна», «осквернение».

⁴ По-видимому, в древности играли роль бумажных фигурок, о которых говорилось выше.

Лишь так издохнет их божество Хаясасурахимэ, Дева Быстро сплавляющая, что пребывает в Упокоенья Земле, в стране Преисподней, возьмет и, сплавив куда-то, их затеряет.

Лишь так затеряет, начиная с людей из дум и управ, служащих двору Властелина, под небом в четырех направлениях, с сего дня начиная, того, что зовется грехами, не будет.

В знак того, что внимаете вы, наострив свои уши к равнине Высокого неба, поставив коней в Очищение¹ великое года сего при заходе вечернего солнца в день последний минадзуки месяца, отпущению и очищению все, говорю вам, внимайте!

Волхвы стран четырех, отнесите вы всё к великим водным путям и пустите по ним, говорю вам.

Когосюи²

Дополнение к древним сказаниям в одной книге с предисловием

Низшей, пятой степени второго ранга Имибэ-но Сукунэ Хиронари. Приходилось слышать, что в эпоху глубокой древности, когда еще не было письменных знаков, прежние слова и поступки сохранялись и не забывались, передаваясь из уст в уста от благородных к низшим,

¹ Очищавшиеся в этот день должны были поднести определенное количество лошадей.

² Перевод этого раннесредневекового памятника японской литературы хранится в библиотеке Тэнри. Публикация его в настоящем издании основана на копии рукописного варианта перевода, а также машинописной копии, выполненной канд. филол. наук Н. С. Шефтелевич с рукописи. По-видимому, сохранившаяся в архиве рукопись представляет собой самый первоначальный, черновой вариант перевода. Судя по тому, как Н. А. Невский обычно работал над своими литературными переводами, можно предположить, что сам ученый многое изменил бы в тексте, готовя его к печати. Однако никаких следов последующих этапов работы над переводом «Когосюи» в архивах обнаружить не удалось. Публикуемый перевод чрезвычайно точен, иногда до буквализма, затемняющего смысл. С одной стороны, это обстоятельство может облегчить работу японоведам, изучающему древний памятник в оригинале, однако рукопись нуждается в пояснениях в тех местах, которые оказываются непонятны всем, кроме узких специалистов. Кроме того, сам этот памятник довольно лаконичен, многие мифологические сюжеты в нем не излагаются, а обозначаются или называются.

Ввиду несомненной важности этой работы Н. А. Невского не только в контексте настоящего издания, но и для всего отечественного японоведения мы сочли необходимым дать к переводу более пространственные комментарии, чем к другим публикациям, дабы ввести в научный обиход один из древнейших памятников японской письменности.

Все японские имена и реалии Н. А. Невский записывал в латинице, давая в скобках иероглифическое написание. Для удобства чтения и типографского набора мы заменили эти обозначения принятым вариантом кириллической транскрипции.